
ТЕОРИЯ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Чумаков А. Н.

д. ф. н., проф., зав. кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, первый вице-президент Российского философского общества.

E-mail: chumakov@iph.ras.ru

Статья посвящена анализу теоретических и методологических оснований современной глобализации как составной части общих глобальных процессов. Выделяются основные принципы глобальных исследований, которые должны непременно приниматься во внимание при решении теоретических и практических задач в современном мире, в особенности когда дело касается планетарного масштаба. Особое внимание уделено принципу целостности мира, системному характеру экономических и социокультурных отношений различных стран и народов, взаимообусловленности локальных, региональных и глобальных процессов общественного развития.

Ключевые слова: *глобализация, глобальные исследования, методология, целостность, система, человечество, глобальные проблемы, общественное развитие, управление.*

The article analyzes theoretical and methodological bases of modern globalization as a part of general global processes. The author points out fundamental principals of global studies to be considered when solving theoretical and practical tasks in the modern world, especially when the planet is concerned. He focuses on the principle of the world's integrity; systemic character of economic and sociocultural relations between countries and peoples; interdependence of local, regional and global processes of social development.

Keywords: *globalization, Global Studies, methodology, integrity, system, humanity, global problems, social development, governance.*

Научные и философские исследования глобальных процессов и порождаемых ими всевозможных последствий в последние годы все больше сталкиваются с трудностями, проистекающими из недостаточной разработанности теоретико-методологической базы таких исследований. Сложность же решения данной проблемы заключается в том, что глобалистика, в рамках которой только и может

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ 2013 г.

быть решена такая задача, является интегративной областью научного знания, чем она принципиально отличается от конкретных наук, являющихся, как правило, итогом дифференциации науки в широком смысле этого слова. Имея своим предметом различные сферы и области реального мира, конкретные науки оказываются бессильными, когда дело касается сложных систем, более масштабных, чем те, с которыми они имеют дело в рамках своего предмета. Глобалистика же, предметом которой является планета в целом как совокупное единство неживой, живой и социальной природы, а также глобальные процессы этой целостности и порождаемые ими последствия, анализирует и аккумулирует представления о глобальном мире, опираясь на результаты не только научных, но и философских, культурологических, прикладных исследований. Вопросы методологии, разрабатываемые с позиции философии, как раз и оказываются в данном случае наиболее востребованными, поскольку касаются всего предмета глобалистики и в то же время вполне применимы в рамках отдельных научных дисциплин.

Принцип целостности мира

Практически на наших глазах в режиме реального времени мировое сообщество все больше оформляется в качестве целостной системы, порождая глобальную взаимозависимость различных подсистем этой целостности, а также принципиально новые, никогда прежде не существовавшие трудности и проблемы. В то же время в различных регионах мира периодически возникают всевозможные конфликты, обусловленные непрекращающейся конфронтацией отдельных сообществ, культур, традиций. Все это нередко приводит к военным действиям, которые по своим масштабам и частоте того, как они случаются, ставят на повестку дня по существу гамлетовский вопрос – быть или не быть человечеству? И было бы большим заблуждением полагать, что с распадом социалистической системы и относительным ослаблением ядерного противостояния крупнейших мировых держав угроза самоуничтожения человечества миновала, поскольку теперь уже к накопленному ядерному, химическому, бактериологическому и иному оружию массового поражения добавились неограниченные возможности техногенной цивилизации. Именно эти новые возможности под влиянием процессов глобализации сделали международным, планетарным явлением проблемы и опасности, которые до этого оставались региональными, а то и вовсе локальными. Это касается, в частности, энергетических, сырьевых, продовольственных и т. п. ресурсов или, например, терроризма, наркоторговли и иной преступности, выросшей до глобальных масштабов.

Таким образом, чтобы успешно бороться не только с негативными явлениями, но и с породившими их причинами, за новыми угрозами, в том числе и за беспрецедентными террористическими актами последних десятилетий, равно как и за ответной реакцией отдельных стран на эти вызовы, необходимо увидеть в первую очередь объективные основания и закономерности возникновения данных явлений. А они не всегда очевидны и по большей части не лежат на поверхности, что является причиной немалого числа заблуждений относительно как природы самой глобализации, так и вызываемых ею последствий. И в самом деле, казалось бы, современный мир под влиянием процессов глобализации кардинально изменился буквально за последние десятилетия. Но соответствует ли это действительности? И нет ли здесь заблуждения? Не имеем ли мы дело с кульминацией давно вызревавших, а то и более сложных процессов?

В этой связи важно обратиться к работам пионеров глобальных исследований, прозорливо, а в известной мере и интуитивно заложившим основы современной глобалистики, среди которых, несомненно, следует выделить А. Тойнби, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, К. Ясперса, Б. Рассела, А. Эйнштейна и др. [Глобалистика 2012]. Это они еще в первой половине XX столетия сделали предметом особого внимания человечество как целостность и стали рассматривать его как составную и неотъемлемую часть естественной природы. Для них переход от раздробленности, разобщенности и фрагментарности мировых общественных отношений к их единству, целостности и глобальной взаимозависимости был уже вполне осознаваемым фактом. Вместе с тем для широкого общественного сознания данные изменения стали очевидными лишь в последние десятилетия XX в. И произошло это во многом благодаря наступлению информационно-технологической революции, которая возникла и развивается столь быстро и стремительно, что мировое сообщество не успевает не только адекватно реагировать на происходящие изменения, но даже в достаточной степени теоретически осмысливать суть происходящего.

Причин такого положения дел множество. Но главная заключается в том, что новый, быстро изменяющийся мир пытаются объяснить с точки зрения уже сформировавшихся взглядов, описывая его с помощью сложившихся, привычных понятий и категорий, таких, например, как *культура*, *цивилизация*, *демократия*, *суверенитет*, *национальные ценности* и т. п.

При этом, как правило, остается без внимания то обстоятельство, что каждый из этих терминов, как и сложившаяся к настоящему времени совокупность приоритетов и ценностей, а также система этических, правовых норм, сформировались и наполнились определенным содержанием в условиях, принципиально отличных от тех, что имеют место в мире глобальных отношений. Также и основные положения и принципы демократии, получающие наиболее значительный импульс в эпоху буржуазных преобразований и положенные в основу современных демократических институтов, находят свое выражение и устойчивую поддержку пока только в отдельных странах и нуждаются в новом осмыслении, если говорить о применимости и распространении их в масштабе всей планеты.

Данное обстоятельство важно иметь в виду, поскольку из того, что мировое сообщество стало единым, обретя и «общий дом», и «общую судьбу», и общую ответственность за происходящее в мире, вовсе не следует, что демократические ценности и цивилизационные принципы организации общественной жизни, по которым живет пока еще меньшая часть человечества, автоматически будут восприняты остальным мировым сообществом. Скорее наоборот, реальное положение дел в современном мире дает серьезные основания сомневаться в скором и повсеместном распространении норм и принципов демократии. При этом излишний напор и повышенная активность, с которыми демократические ценности нередко пытаются внедрить в другие, неприспособленные для этого культуры или реформировать общественные системы, где нет к тому соответствующих предпосылок, нередко вызывают недовольство, недоумение, а то и вовсе обратную реакцию, если не отторжение не только правящих элит, но и местного населения в целом.

В то же время объективный ход событий все больше ведет к тому, что в различных концах планеты растет осознание формирующейся целостности мира

и вытекающей отсюда всеобщей взаимозависимости стран и народов. Все это, а также то, что никто не может уклониться от участия в преодолении общих проблем, еще больше обостряет споры о формах такого участия и мере ответственности каждой из сторон за ухудшение ситуации. Более того, по мере нарастания глобализации разногласия только усиливаются и становятся еще острее, поскольку мировое сообщество, поделенное на отдельные «национальные квартиры», все больше втягивается в отношения конфронтации и движется, по существу, к ситуации войны всех против всех. Одновременно с этим разрыв в уровне и темпах социально-экономического развития различных народов также увеличивается, что становится серьезным препятствием на пути демократических преобразований и укрепления гражданского общества как в отдельных странах, так и на глобальном уровне. А именно глобальное гражданское общество, по мнению ряда авторитетных ученых, и могло бы способствовать преодолению фрагментарности при формировании целостного мира. Идея эта не нова. Так, например, еще И. Кант выступал с идеей «всемирного гражданского состояния». Затем активными сторонниками такого подхода проявили себя И. Валлерстайн, Дж. Розенау, А. Печчеи, Я. Тинберген, Дж. Сорос, Г. Мартин, Я. Питерсе и др. [Глобалистика 2012]. Впервые термин «глобальное гражданское общество» ввел в научный оборот американский политолог Х. Булл, по мнению которого такое общество является «глобальным не только потому, что оно соткано из связей, пересекающих национальные границы и проходящих через глобальное, внетерриториальное пространство, но и потому, что среди членов глобального гражданского общества набирает силу глобальное мышление» [Глобалистика 2003: 233].

Как следует из вышесказанного, а также из общей логики общественного развития, альтернативы единому человечеству, по всей вероятности, нет. Таким образом, в интересах устойчивого развития всего человечества на планете должны установиться не только общие для всех принципы и правила совместной жизни, но и общая ответственность за судьбу каждого человека. Это важно подчеркнуть, поскольку в глобальном тесно взаимосвязанном мире серьезную опасность представляют даже отдельные индивиды, не говоря уже о не вписавшихся в глобальный контекст государствах.

В этой связи вопрос о том, насколько такое положение дел может стать реальностью, становится ключевым, ибо вовсе не очевидно, что мировое сообщество от осознания своего единства сможет перейти к реальному единению. Нет серьезных оснований рассчитывать и на то, что, упорно отстаивая принцип национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела национальных государств, отдельные страны, а тем более все мировое сообщество, смогут стать действительно обществом открытого типа или хотя бы уверенно вступить на путь не только декларируемых, но и реальных демократических преобразований. Не добавляет оптимизма и то обстоятельство, что на практически полностью «освоенной» человеком планете отдельные государства по традиции все еще не столько сотрудничают, сколько противоборствуют, конкурируют, соперничают и враждуют, предпринимая титанические усилия, чтобы отстоять свою автономию и независимость. При этом они, как и прежде, проводят эгоистическую внешнюю политику, ориентируясь в первую очередь на свои национальные и сугубо личные интересы. Противоречия и противоборство такого рода хорошо просматриваются, например, как в противостоянии «богатого Севера» и «бедного Юга», так и в не-

совпадении культур, ценностей, традиций Востока и Запада. Анализируя современное состояние мировых дел, философ из Германии Б. Саал в своем выступлении на XXIII Всемирном философском конгрессе (2013 г., Афины), в частности, сказала: «Современность не принадлежит только “Западу” или индустриализированному “Востоку”, “Юг” также играет конституирующую роль в развитии современности» [Saal 2013: 621].

И все-таки, как нетрудно заметить, тон в мировых делах сегодня в основном задают развитые страны Запада, которые действуют по большей части согласованно, как одно целое. Однако если отвлечься от частных интересов и деталей стратегического партнерства этих государств, то следует признать, что согласованность действий и взаимопонимание, которых они достигают, базируются прежде всего на общих демократических основаниях и принципах, выработанных и внедряемых в общественное сознание еще со времен эпохи Просвещения. И хотя для каждой из этих стран эпоха Просвещения была своеобразной, в ней отражались и специфика соответствующего народа, и особенности его культуры, тем не менее в целом отдельные страны, переживая эпоху Просвещения, решали сходные задачи, преследовали, по сути, одни и те же цели – провозглашение прав человека и развитие гражданского общества, формирование демократических институтов и построение правового государства.

В силу известных причин ни Восток, ни Россия, в частности, таких трансформаций не переживали. Так, например, в России появление эпохи Просвещения несколько раз назревало, но, по существу, она так и не состоялась. В этом, пожалуй, одна из важнейших причин того, что и в России, и на Востоке, равно как и в Африке или Латинской Америке, плохо понимают не то что базовые ценности и принципы современной западной демократии, но даже не воспринимают терминологию западной цивилизации. Запад поступает не лучшим образом, когда с упорством, достойным лучшего применения, стремится навязать свои нормы и принципы общественных отношений остальному миру без учета характера и уровня культурно-цивилизационного развития в отдельных регионах. При этом на Западе не могут или не хотят понять иное, незападное мировоззрение, а также те проблемы и противоречия, которые возникают в результате столкновения такого мировоззрения с культурой, ценностями и технологиями западной цивилизации.

Оценивая современные отношения различных культурно-цивилизационных систем и определяя подходы к преодолению современных противоречий, важно иметь в виду несколько принципиальных обстоятельств. В первую очередь это касается западной культурно-цивилизационной системы и сформировавшихся в ее недрах соответствующих ценностей, которые, и это надо признать, не являются надежным средством решения глобальных проблем и острейших общественных противоречий, вставших в последние десятилетия как перед отдельными странами и регионами, так и перед человечеством в целом. Теперь это уже все больше становится очевидным и для самого Запада, что ставит перед ним задачу критического переосмысления своего общественного устройства и поиска путей его совершенствования.

То же самое относится к Востоку, который в последние десятилетия активно наращивает темпы своего развития и начинает играть все более заметную роль в мировых делах. Однако перспективы развития здесь упираются в объективные

пределы, такие, например, как экологические и демографические барьеры, ограниченность сырьевых и энергетических ресурсов и т. п. К тому же западные страны не только не хотят, но и не могут (тем более в кратчайшие сроки) изменить свою природу. Не могут они также принять правила игры и систему ценностей Запада в том виде, в каком они этим странам навязываются. Сказанное в полной мере относится и к России, которая и в культурном, и в социально-экономическом отношении значительно ближе к Западу, чем ее восточные соседи, но, будучи тесно связанной своими историческими корнями с Востоком, она не может от него слишком отдалиться и потому с необходимостью будет занимать срединное положение.

Таким образом, независимо от своего желания различные страны мира просто обязаны искать компромиссы на пути построения современной мировой цивилизации. И в первую очередь ответственность за это ложится на развитые страны Запада, которые в качестве важнейшего и предварительного шага должны признать отличие их социально-политической и экономической реальности от стран Востока и России в частности, чьи идеалы и принципы также имеют право на существование. Равно также и западные страны при самом разном их отношении к данной проблеме должны согласиться, что общечеловеческие ценности, права и свобода личности, которые обеспечиваются в первую очередь институтом частной собственности, – это вовсе не пропагандистские приемы Запада, а существенные и неотъемлемые характеристики его образа жизни и его образа действий.

Принимая во внимание сказанное, не следует тем не менее забывать, что современный мир по своей сложности не имеет аналогов в истории. Он более противоречив, нежели в прошлые времена, уже потому, что экономические и политические интересы всегда были и впредь будут лежать в основе разногласий. А отсутствие общих подходов и принципов, ценностных установок и общего языка коммуникации только усугубляют ситуацию, выступая важнейшим препятствием на пути единения и взаимопонимания народов в глобализирующемся мире. Все это означает только одно: от решения такой задачи никому нельзя уклониться, выполнить ее сможет лишь объединившееся мировое сообщество, проявляя

выдержку и терпение, а также уважение к культурному наследию различных стран и народов.

Системный характер экономических и социокультурных отношений стран и народов

Вступив в эпоху многоаспектной глобализации, современный мир оказался перед лицом принципиально новых проблем, особенность которых заключается в их масштабности, динамичности и предельно сложной иерархии. Отсюда вытекает комплекс важнейших теоретических и научно-практических задач, решение которых может обеспечить лишь системный подход, позволяющий исследовать сложнейшие динамичные объекты, границы и структура которых, как правило, далеко не всегда очевидны и в каждом конкретном случае требуют специальных уточнений и заново выверенных определений. В первую очередь это относится к социальной практике, которая по причине возрастающего интереса к процессам глобализации все больше оказывается в центре внимания ученых и исследователей, пытающихся найти ответы на сложные вопросы современного социального

развития в масштабе всей планеты. Известные специалисты в данной сфере теоретического знания отмечают: «В социальном управлении вместо преваляровавших прежде локальных, отраслевых задач и принципов ведущую роль начинают играть крупные комплексные проблемы, требующие тесного взаимоувязывания экономических, социальных, экологических и иных аспектов общественной жизни (например, глобальные проблемы, комплексные проблемы социально-экономического развития стран и регионов, проблемы создания современных производств, комплексов, развития городов, мероприятия по охране природы и т. п.)» [Блауберг и др. 2001: 559].

Отмечая постоянную тенденцию к усложнению социальных структур, следует подчеркнуть, что культурные и цивилизационные изменения, трансформации, катаклизмы и т. п. с момента их возникновения всегда имели место в истории человечества и по мере его развития происходили по нарастающей. Иными словами, интенсивность таких процессов неизменно возрастала. Вместе с тем если до XX в. такие изменения интересовали людей только с точки зрения их конечных результатов, а сами перемены не попадали в поле зрения, то в последнее столетие ситуация принципиально изменилась. Сегодня уже невозможно не замечать все ускоряющейся динамики общественной жизни и нарастающих в этой связи качественно новых проблем, ибо теперь на протяжении жизни не только одного человека или даже одного поколения, но и в течение буквально нескольких лет фундаментально изменяются культурные и цивилизационные основы жизнедеятельности людей. Достаточно сослаться в этой связи на Интернет, электронную почту или мобильный телефон, которые в кратчайшие сроки, буквально на глазах одного поколения, принципиально изменяют многие стороны жизни людей, основательно трансформируя условия их труда и характер межличностных отношений.

Обращая внимание на эти фундаментальные перемены, вызванные в первую очередь успехами научно-технического прогресса, важно подчеркнуть, что если до середины XX в. люди практически не обращали серьезного внимания на *динамику изменений* в масштабах, выходящих за пределы их собственной жизни, и реагировали на социально-экономические и политические трансформации прежде всего локального масштаба (например, на социальные потрясения, в том числе и социальные революции), то с конца прошлого столетия их внимание привлекает *динамика* происходящих вокруг событий. Теперь уже не только сами явления культуры и цивилизации, отражающие состояния и важнейшие характеристики общественного уклада и социальной жизни, стали предметом теоретического и практического интереса людей, но и глобализация как отражение динамики социально-экономических и политических перемен в мировом масштабе все больше оказывается в центре внимания и острых дискуссий.

Отсюда системный подход к осмыслению общественных структур и всевозможных характеристик развития исторического процесса более чем через сто лет после того, как его, по существу, впервые и преимущественно к экономической структуре общества попытался применить в своих исследованиях К. Маркс, получил не только новый импульс к развитию, но и новые сферы своего применения. В частности, с середины 1970-х гг. стала активно развиваться предложенная И. Валлерстайном миросистемная теория [Wallerstein 1974; 1980; 1988], которая изначально принимает мир в качестве единого целого и исходит из необходимости учитывать глобальный контекст при оценке локальных изменений. Такой взгляд на

мировое сообщество связывается с представлениями о конвергенции различных пока еще в значительной степени автономных социально-политических структур, развивающихся в направлении к единственной системе международного финансового капитализма, который, по мнению сторонников данной теории, со временем непременно упорядочит все части земного шара в некую иерархическую систему.

В течение трех последних десятилетий миросистемный взгляд на макроисторию получил широкую известность и обрел своих активных сторонников [Chase-Dunn, Hall 1997; Abu-Lughod 1989; Collins 1992: 373–388; Wilkinson 1987: 31–59], которые значительно расширили первоначальный замысел этой идеи, полагая, что миросистемные отношения существовали и до периода современного капитализма. Так, например, Д. Уилкинсон, автор получившей широкую известность концепции «Центральная цивилизация», относит происхождение миросистем к глубокой древности – ко времени цивилизаций Месопотамии и Египта, к 3000 г. до н. э.

В таком же ключе рассуждает и Дж. Абу-Луход, по мнению которой на протяжении многих столетий существовала глобально интегрированная «миросистема», достигшая к концу XIII в. своей кульминационной стадии существования, к которой в конце концов присоединилась и Европа, включившись в уже достаточно развитую систему межконтинентальной торговли. Основными структурными элементами данной миросистемы она называет четыре основных «ядра»: *Средний Восток*, занимавший стратегическую позицию в международном обмене; *северная степь*, простирающаяся по всей Центральной Азии и после многолетних завоеваний объединенная с Китаем; *зона Индийского океана*, который связывал Китай со Средним Востоком через Малаккский пролив и Индию; и, наконец, «благодаря торговле и промышленности, – стимулами для которых были крестовые походы, в конце концов связавшие Европу с этой разветвляющейся миросистемой, – города развивавшейся Западной Европы (особенно города Фландрии, Франции и Италии) начали формировать четвертый регион “ядра”» [Абу-Луход 2001: 451–452]. Характеризуя сущность данной миросистемы, Дж. Абу-Луход отмечает, что в ней ни одна культурная, экономическая или имперская система не осуществляла свою гегемонию, более того, сосуществовало значительное количество сотрудничавших культурных систем, причем большая часть из них была организована не так, как на Западе. А множество различных религий: христианство, буддизм, ислам, конфуцианство, зороастризм и др. – допускали торговлю, производство, обмен, стремление к риску и т. п., а то и вовсе способствовали этому. Теперь, полагает она, в мире складывается новая миросистема, существование которой обнаруживается в следующих тенденциях:

а) глобализация как минимум высших уровней обращения финансов, производства-планирования и торговли в пределах капиталистических стран;

б) потеря статуса «империи» атлантическими государствами и подъем целого ряда азиатских стран, которые до этого в течение столетий были маргинальными или изолированными по отношению к остальным;

в) новое оживление в Тихоокеанском регионе, который после Второй мировой войны значительно укрепился и приобрел равную, если не большую, значимость по сравнению с регионом Атлантическим, составлявшим основу в прежней миросистеме.

По мнению еще одного известного сторонника миросистемного подхода к анализу и интерпретации динамики общественного развития – Р. Коллинза, миросистемные отношения сопровождают человечество на протяжении всей его истории, и только охотники и собиратели, не имевшие постоянной территории, обходились без них. «Мой тезис, – говорит он, – состоит в том, что в любой период существования человечества не было общества такого типа, в котором миросистемные отношения не воздействовали на его структуру и динамику. Иначе говоря, экономические и военно-политические связи между организованными социальными единицами оказывают в качестве некоторой всеохватывающей структуры (pattern) влияние на эти единицы; все общества в важных аспектах структурированы извне внутрь» [Коллинз 2001: 462]. Однако это не означает, подчеркивает Р. Коллинз, что все общества «варятся в одном котле», в котором невозможно что-либо различить, и потому относительно современной ситуации он ставит себе цель – выявить аналитические связи между геополитической и рыночной динамикой, то есть он стремится установить способы, посредством которых результаты одного набора динамических процессов подпитывают другой набор.

Итак, современный мир, все больше «замыкающийся» в единое целое по ряду принципиальных позиций, таких как экономика, география, экология, информация и т. п., остается в то же время раздробленным на множество составных частей, в частности поделенным почти на две сотни национальных государств. Отсюда иначе как через призму системного (миросистемного) подхода он уже не может адекватно восприниматься, а тем более исследоваться. При этом «системный подход к международным отношениям в условиях развертывания глобализационных процессов необходимо соединить с эволюционным подходом, поскольку важно выявлять не только системные качества и характеристики, но и эволюционные перспективы возможных параметров трансформаций международных отношений в глобальные» [Ильин, Урсул 2012: 383]. В этой связи особое значение приобретают идеи и принципы системного подхода, сформулированные А. А. Богдановым еще в самом начале XX в. в его концепции *тектологии*, которые в известной мере приложимы и к историческому процессу, в особенности на этапе формирования его в качестве единой целостности.

Отсюда культура, цивилизация и глобализация, будучи различными выражениями сущности исторического процесса, уже не могут рассматриваться в качестве простой суммы его характеристик, так как относятся не к отдельным аспектам или фрагментам социальной реальности, а ко всему социуму, взятому в качестве

единого целого. Их синергия порождает новое качество – культурно-цивилизационное единство, перерастающее в условиях реальной глобализации в глобальное сообщество взаимозависимых людей, что ведет к становлению по существу мирового государства (во всяком случае, вызывает в нем настоятельную потребность). О таком государстве немало говорилось уже в XX в., и проблема построения его, очевидно, станет одной из важнейших задач первого века третьего тысячелетия, основные события которого еще впереди. Однако уже теперь становится все более очевидным, что если теоретические изыскания в области культуры и цивилизации замыкаются на социум и практически не выходят за его пределы, то обсуждение проблем глобализации значительно расширяет спектр исследования, куда с необходимостью попадают теперь уже не только биосфера и всевоз-

можные ее составляющие, но и обширная область неживой природы, где важнейшую роль играют окружающая человека географическая среда и как минимум ближайшее околоземное космическое пространство.

Совместную эволюцию всех этих сфер: неживого, живого и социального, а также характер и динамику развития экономических и социокультурных отношений различных стран и народов в принципе невозможно понять вне системного подхода, который становится теперь важнейшим методологическим принципом современной глобалистики.

Взаимообусловленность локальных и глобальных процессов общественного развития

Поскольку под влиянием процессов глобализации современный мир изменяется динамично и кардинально, важно выявить генезис и эволюцию этих изменений. С точки зрения масштабов происходящих событий вполне очевидно (если придерживаться эволюционной теории развития человечества), что за многие столетия и даже тысячелетия пройден сложный и долгий путь развития – от локально устроенного человечества через его регионализацию до глобального общества как единого целого. И теперь, когда современные мировые отношения, охватившие практически все сферы общественной жизни, зачастую вступают в противоречия с локальными и национальными особенностями, с давно сложившимися укладами и традициями, принципиально важно постоянно учитывать эту диалектику общественного развития в осмыслении не только феномена самой глобализации, но и тех последствий, которые она порождает. Иными словами, рассматривая глобальные состояния тех или иных явлений и процессов, мы должны понимать и учитывать их тесную связь с явлениями региональными, локальными, частными. В научной литературе такая сложная взаимозависимость, как уже отмечалось выше, описывается посредством миросистемных процессов и связей, которые «могут быть намного лучше поняты, если принимать во внимание свойства систем... Изменения и трансформации в отдельных частях мир-системы могут тем или иным образом отозваться на ситуации в других ее частях за счет того, что можно назвать *трансформацией импульсов*. Последняя способна проявляться в самых различных формах, порой вызывая самые неожиданные последствия» [Гринин 2012: 478]. Это еще один серьезный аргумент в пользу того, что следует внимательно относиться к новым явлениям и тенденциям, которые возникают в том числе и в процессе взаимодействия разномасштабных процессов. Всегда ли это обстоятельство должным образом осознается? К сожалению, далеко не всегда, а то и вовсе редко, к тому же не только на уровне массового общественного сознания, но даже в среде ученых, активно обсуждающих глобальную проблематику. Корни такого положения дел следует искать в поверхностном восприятии происходящего и в поспешных обобщениях, которые обусловлены некритическим отношением к кажущимся на первый взгляд хорошо понятным процессам глобализации и их толкованию. Об этом теперь так много разного говорят, пишут, рассуждают, что каждый в этом огромном потоке разноплановой информации легко найдет подтверждение любым своим идеям и размышлениям, как бы далеки они ни были от реальности.

В такой ситуации, как ни странно, следует видеть не только отрицательную, но и положительную сторону дела, хотя, конечно, отрицательная сторона здесь явно превалирует. Что касается позитивного в контексте сказанного, то оно сводится к тому, что в условиях широкой популяризации глобальной проблематики нет необходимости специально убеждать кого-то в том, что мир стал глобальным, целостным и системным. Также убедительным выглядит и то, что глобальное, региональное и локальное в жизни мирового сообщества оказались столь тесно переплетенными, что провести границу между ними теперь достаточно трудно. Все это освобождает от обоснования актуальности глобальной проблематики и предоставляет дополнительные возможности для поиска конструктивных решений и осмысленных практических действий, адекватных сложившейся ситуации. Однако кажущаяся простота и очевидность современных глобальных процессов, равно как и их негативных последствий, имеет тот отрицательный эффект, что даже серьезные специалисты в области глобалистики начинают смотреть на происходящее привычным взглядом, рассматривая ситуацию как бы в одной плоскости, с позиции установившихся представлений. При этом основное внимание фокусируется, как правило, на том, что уже стало общепринятым, очевидным, тогда как иные опасности и препятствия общественного развития (а это могут быть и сопутствующие старым, и новые только нарождающиеся проблемы) оказываются вне поля зрения.

Так, например, прочно укоренившееся представление о том, что мировое общество за всю историю своего существования никогда не находилось в такой опасности, как в настоящее время, вполне соответствует реальности. Однако, как и прежде, оно соотносится с угрозой развязывания ядерной войны, демографическим взрывом, нехваткой ресурсов или экологическим кризисом. И это правильно, поскольку отмеченные опасности скорее обостряются, нежели ослабевают. Однако суть проблемы теперь, в начале XXI в., не сводится только к этому, ибо дело уже не только в наличии ядерного оружия и его распространении, что действительно представляет серьезную угрозу, равно как и все возрастающее антропогенное влияние на окружающую среду. Как отмечает А. П. Назаретян, «роковую роль в судьбе цивилизации может сыграть весьма неожиданное обстоятельство, состоящее в том, что *потенциальный диапазон управляемости масс-энергетического мира превосходит диапазон управляемости виртуального мира*» [Назаретян 2013: 32]. В последние годы появились и иные принципиально новые, еще не вполне осознаваемые угрозы планетарного масштаба. Так, к уже сложившемуся комплексу глобальных проблем современности добавилась совершенно новая опасность, все более угрожающая хрупкому равновесию мировой системы. Речь о дисбалансе в темпах формирования глобального человечества в качестве целостной системы, с одной стороны, и практическом отсутствии механизмов управления этой, по сути, уже сформировавшейся системой – с другой. Иначе говоря, мы вступаем в эпоху *кардинального и все ускоряющегося изменения структуры мировых связей и отношений, в то время как мировое сообщество адекватно на это не реагирует, поскольку пребывает в раздробленном состоянии, демонстрируя в итоге свою неспособность отвечать на вызовы времени*. В этой связи вполне очевидно, что локально и регионально управляемые общественные системы, представленные прежде всего национальными государствами

(а в известной степени и транснациональными структурами), становятся серьезным препятствием на пути выхода из сложившейся ситуации.

При этом важно подчеркнуть, что национальные государства, которых теперь уже около двухсот, перестали быть единственными и безусловными субъектами международных отношений. В таком же качестве сегодня выступают и появившиеся во множестве экономические, политические, торговые и другие корпорации, в том числе и криминальные, связанные с международным терроризмом, наркоторговлей и т. п. И вот весь этот мир со множеством тесно взаимосвязанных и в то же время активно противоборствующих субъектов, как и прежде, только лишь саморегулируется, да и то в основном стихийно, но абсолютно лишен какого бы то ни было управления, в чем он теперь так сильно нуждается. Дело оказывается еще более сложным, если иметь в виду сложную и неоднозначную природу самого человека, который всегда был и остается существом биосоциальным, где неизменно сочетается добро и зло, не только хорошее, но и плохое. Агрессия и миролюбие, любовь и ненависть – это все также заключено в каждом человеке. Разумеется, культура, воспитание, образование и просвещение, направленные на то, чтобы сделать человека гуманным, терпимым и толерантным (то есть цивилизованным), добиваются определенных, иногда даже значительных, результатов. Но окончательного и безусловно положительного результата ожидать не приходится, поскольку в каждом человеке неизменно сохраняется и то, что предопределено его естественной природой, то есть биологией: борьба за выживание, агрессивность, стремление к доминированию и решение проблем с позиции силы, когда заканчиваются аргументы. Все это в полной мере проявляется не только в поведении отдельных людей, но и в различных сообществах, будь то национальные государства, общественные объединения или творческие коллективы. С учетом данного обстоятельства, а также все возрастающей численности населения Земли, превысившей уже семимиллиардную отметку, нетрудно предположить, что в условиях, когда ресурсы планеты ограничены, да еще и распределены весьма неравномерно, явная и скрытая борьба за доступ к ним, которая никогда не прекращалась, будет только нарастать. Есть все основания также полагать, что и в обозримом будущем при отсутствии *соответствующей системы управления мировым сообществом* конфликты интересов в глобальном мире будут только усиливаться, а противоборство различных субъектов международных отношений проявляться, в том числе и в новых, возможно, непредсказуемых формах. В этом, пожалуй, и заключается *главное противоречие современной эпохи* [Вебер 2009; Чумаков 2010].

Такое положение дел, когда еще не только не сформировалась глобальная этика и отсутствует глобальное право^{**}, но даже нет согласия в части признания всеми общечеловеческих ценностей, не сулит глобально взаимозависимому человечеству ничего, кроме усиления конфронтации, что ставит мировое сообщество, по существу, в ситуацию *войны всех против всех*. Подобное в истории человечества уже было. Так, до появления государства люди именно в таком состоянии и находились, но тогда за выживание на отдельных территориях воевали между

^{**} Здесь важно проводить принципиальное различие между *глобальным* (которого еще нет) и *международным правом*, которое представлено множеством правовых соглашений и документов между различными (но не всеми) субъектами международных отношений.

собой отдельные индивиды. Теперь же за лучшие условия жизни, доступ к ресурсам или более выгодные позиции на мировой арене отчаянно враждуют национальные государства, а также множество иных субъектов международных отношений, и происходит это уже не на локальном, как раньше, а на глобальном уровне. Отсюда разногласия и противоречия, теперь уже в мировом масштабе, решаются, по большей части, как и прежде, с позиции силы, которая не обязательно проявляется в грубой и неприкрытой форме. Нередко, особенно в экономике, навязывание своих интересов, а то и принуждение осуществляется посредством косвенного воздействия, именуемого «мягкой силой». Но все это в конечном счете не меняет сути дела, поскольку «правда» в любом случае оказывается на стороне сильного. В выигрыше остается обычно тот, кто, имея соответствующие преимущества и преследуя собственные интересы, действует эгоистично, коварно и, как правило, безнаказанно.

Уповать в решении подобных споров и конфликтов на ООН или иные международные структуры было бы большим заблуждением. Они в таких ситуациях оказываются практически бессильными, поскольку не имеют соответствующих механизмов для эффективного воздействия на подавляющее большинство мировых процессов. Даже наиболее авторитетная из таких структур – ООН – принципиально ничего не может изменить, ибо создавалась в другое время и для решения иных задач – прежде всего для предотвращения новой мировой войны и выполнения регулятивных функций в мировом масштабе, но вовсе не для управления глобальным миром. Не изменит ничего в этом отношении и реформа ООН сама по себе, какой бы она ни была, поскольку данная организация никоим образом не сможет выполнить управленческие функции в полном объеме, без чего об управляемости мировым сообществом не может быть и речи. Сказанное в полной мере можно отнести и к другим наднациональным структурам типа «Большой восьмерки» или «Двадцатки», Всемирного банка, ВТО, Европейского союза и т. п., поскольку они также уже по своей природе не решают и в принципе не могут решить основное противоречие современной эпохи как оно было сформулировано выше. Это следует хотя бы уже из того, что, с одной стороны, все они представляют в лучшем случае лишь отдельные сферы общественной жизни, какие-то регионы, часть человечества, но никоим образом не мир в целом (во всех его основных проявлениях), без чего любое управление было бы как минимум недостаточным. С другой стороны, такие организации способны в лучшем случае выполнить некоторые функции регулирования в планетарном масштабе, но вовсе не предназначены и потому непригодны для управления мировой системой как единым целым.

Это является основной причиной того, что практически все масштабные проекты последнего времени, среди которых наибольшую известность получили «Политика мирного сосуществования», «Идея ноосферы», «Концепция устойчивого развития», «Политика мультикультурализма» и т. п., не дали ожидаемых результатов, а то и вовсе оказались несостоятельными [Lisz Yirn 2013: 284; Fokina 2013: 211; Глобальные тенденции... 2013]. И это потому, что для успешного осуществления подобных проектов попросту недостает соответствующих механизмов, не говоря уже о необходимости решать конкретные управленческие задачи. В этой связи вновь возникает проблема осмысления целостности глобального ми-

ра и поиска путей его управляемости. Другой важный вывод, вытекающий из сказанного, заключается в том, что глобализация, ставшая отличительной чертой мирового сообщества в XX в., требует наряду с серьезными структурными изменениями перестройки международных отношений. Это касается прежде всего пристального и первостепенного внимания к региональной политике, особенно там, где сходятся интересы многих государств с принципиально различными социально-политическими и экономическими укладами, культурой и религиозной ориентацией. Отсюда укоренение в общественном сознании определенных ценностных норм, мировоззренческих позиций, которые бы адекватно отражали целостность мира и единую судьбу человечества, с необходимостью должно опираться на региональную и локальную специфику, традиции и менталитет проживающих в этих регионах людей. Другими словами, если формирование глобально ориентированного мировоззрения является велением времени и необходимым условием выживания мировой цивилизации, то успешным оно может быть как минимум при условии учета национальных особенностей и культурного разнообразия живущих вместе или рядом народов.

Литература

Абу-Луход Дж. Переструктурируя миросистему, предшествующую новому времени // *Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории.* Новосибирск, 2001. С. 451–452. (Abu-Lughod J. Restructuring the premodern world-system // *Vremya mira. Almanac. Issue 2. Structures of history.* Novosibirsk, 2001. Pp. 451–452).

Блауберг И. В., Юдин Э. Г., Садовский В. Н. Системный подход // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 3.* (Blauberg I. V., Yudin E. G., Sadovsky V. N. System approach // *New Philosophical Encyclopedia. In 4 vols. Moscow, 2001. Vol. 3.*)

Вебер А. Б. Системный мир и проблема глобального управления // *Век глобализации.* 2009. № 1(3). С. 3–15. (Veber A. B. System world and the problem of global management // *Age of Globalization.* 2009. No. 1(3). Pp. 3–15).

Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / под ред. И. В. Ильина, И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. М. : Альфа-М, 2012. (Global Studies. Personalities, organizations, works. Encyclopedic reference book / Ed. by I. V. Iylin, I. I. Mazur, A. N. Chumakov. Moscow: Alpha M, 2012).

Глобалистика: Энциклопедия / под ред. И. И. Мазура, А. Н. Чумакова; Центр научных и прикладных программ «Диалог». М. : Радуга, 2003. (Global Studies: Encyclopedia / Ed. by I. I. Mazur, A. N. Chumakov; Center of the Scientific and Applied Dialogue Programs. Moscow: Raduga, 2003).

Глобальные тенденции развития мира. Материалы Всероссийской научной конференции, 14 июня 2012 г. М. : Научный эксперт, 2013. (Global tendencies of the world development. Materials of the All-Russian Scientific Conference, June 14, 2012 Moscow: Scientific Expert, 2013).

Гринин Л. Е. Истоки глобализации // *Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества). Хрестоматия, ежегодное издание / под ред. Л. Е. Гринина, И. В. Ильина, А. В. Коротаева.* Волгоград : Учитель, 2012. С. 473–485. (Grinin L. E. Globalization sources // *Universal and global history (Evolution*

of the Universe, Earth, life and society). Anthology, the annual edition / Ed. by L. E. Grinin, I. V. Ilyin, A. V. Korotayev. Volgograd: Uchitel', 2012. Pp. 473–485).

Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М. : МГУ, 2012. (Ilyin I. V., Ursul A. D., Ursul T. A. Global evolutionism: Ideas, problems, hypotheses. Moscow: MGU, 2012).

Коллинз Р. Геополитические и экономические миросистемы основанных на родстве и аграрно-принудительных обществ // *Время мира. Альманах. Вып. 2. Структуры истории.* Новосибирск, 2001. С. 462–475. (Collins R. Geopolitical and economic world systems based on relationship and agrarian and compulsory societies // *Vremya mira. Almanac. Issue 2. Structures of history.* Novosibirsk, 2001. Pp. 462–475).

Назаретян А. П. Мировоззренческая перспектива планетарной цивилизации // *Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция.* М. : Изд-во МБА, 2013. С. 26–49. (Nazaretyan A. P. Worldview prospect of the planetary civilization // *Global Future 2045. Convergent technologies (NBIKS) and transhumanistic evolution.* Moscow: MBA, 2013. Pp. 26–49).

Чумаков А. Н. Глобальный мир: проблема управления // *Век глобализации.* 2010. № 2(6). С. 3–15. (Chumakov A. N. Global world: The problem of management // *Age of Globalization.* 2010. No. 2(6). Pp. 3–15).

Abu-Lughod J. *Before European Hegemony: The World System A. D. 1250–1350.* N. Y. : Oxford University Press, 1989.

Chase-Dunn Ch., Hall T. D. *Rise and Demise: Comparing World-System.* Djunder, Colorado : Westview Press, 1997.

Collins R. The Geopolitical and Economic World-System of Kinship-Based and Agrarian-Coercive Society // *Review.* 1992. Vol. XV. No 3 (Summer). P. 373–388.

Fokina V. The Policy of Multiculturalism in the Process of Regional Consolidation // *Abstracts of the 23rd World Congress of Philosophy.* Athens : University of Athens, 2013. P. 211.

Lisz Yirn. Global Humanism – Possibilities and Risks of a New Humanistic Model // *Abstracts of the 23rd World Congress of Philosophy.* Athens : University of Athens, 2013. P. 284.

Saal B. Directions and Modernity: “East”, “West”, “North” – Who Meets the “South”? // *Abstracts of the 23rd World Congress of Philosophy.* Athens : University of Athens, 2013.

Wallerstein I. *The Modern World-System.* 3 vols. N. Y. : Academic Press, 1974; 1980; 1988.

Wilkinson D. Central Civilization // *Comparative Civilizations Review.* 1987. Vol. 17. P. 31–59.